

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ТЕКСТУ ЗАКОНА И ИХ СОБЛЮДЕНИЕ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Л. А. Борисова

Воронежский государственный университет

В данной статье исследуются основные особенности такого жанра юридического дискурса, как закон, на примере российского законодательства. Анализируются требования, предъявляемые к содержанию, логике, языку и структуре закона. Рассматривается проблема актуальности перевода законов и вопрос о сохранении характерных черт данного жанра при переводе, в частности, с русского языка на английский.

Существуют две диаметрально противоположные точки зрения на то, каким языком должен быть написан закон. Согласно одной из них, текст закона пишется на литературном языке, он должен быть понятен всем носителям языка; отсюда вытекают особые требования к законодательной технике, призванной обеспечить всеобщее понимание текста закона. Другая же позиция заключается в том, что не только написание, но и толкование законов — дело специалистов с соответствующим образованием; никакой необходимости в общедоступности смысла текста закона нет. Мы склонны считать, что язык закона должен обладать присущими ему специфическими особенностями, соответствовать требованиям, предъявляемым к нему в связи с особенностями его функционирования, но его общедоступность не должна сводиться к использованию по большей части общеупотребительных слов, широко известных выражений и простых грамматических конструкций.

Отечественные исследователи языка законодательства предъявляют к тексту закона схожие требования. Различия в подходах заключаются, главным образом, в критериях, лежащих в основе разделения требований на группы, и в обозначении понятий.

Мы считаем, что текст закона необходимо рассматривать с точки зрения его содержания, логики изложения, языка и структуры, в связи с чем предлагаем разделить все требования к тексту закона на четыре группы.

Что касается **содержания закона**, то главное требование состоит в том, чтобы закон регулировал только один строго определенный вид отношений, являющийся предметом какой-либо одной отрасли права. В законе не должно содержаться противо-

речий, и он также не должен противоречить системе законодательства в целом.

Следующая группа требований связана с **логикой закона**. В первую очередь, в тексте закона должны присутствовать все три элемента нормы права: гипотеза, диспозиция и санкция. «Гипотеза — это часть нормы, указывающая на конкретные фактические жизненные обстоятельства (события, действия людей, совокупность действий, т. е. фактические составы), при которых данная норма вступает в действие... Диспозиция ... указывает на правила поведения, которым должны подчиняться субъекты, если они оказались причастны к условиям, перечисленным в гипотезе... Санкция — это своеобразный вид и мера возможного наказания (кары), если субъекты не выполняют предписание диспозиции, или поощрения за совершение рекомендуемых действий» [1, 24—25]. Иными словами, любое содержащееся в законе предписание имеет алгоритм «если — то — иначе». Закон должен содержать в себе все три указанных элемента, но при этом не обязательно, чтобы все элементы присутствовали в одной статье закона как его структурной единице. Так, одна часть нормы может содержаться в одной статье закона, а другие — в других статьях закона.

Например, в Федеральном законе от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» гипотеза и диспозиция содержатся, среди прочего, в статье 14: «*При наличии у постоянно или временно проживающего в Российской Федерации иностранного гражданина двух и более жилых помещений, находящихся на территории Российской Федерации, он обязан заявить одно из них как свое место жительства*», тогда как санкция приводится в статье 24: «*Лица, виновные в нарушении законодательства Российской Федерации о миграционном учете, несут ответс-*

твенность в соответствии с законодательством Российской Федерации.»

Во-вторых, нормативно-правовые предписания в законе должны излагаться в логической последовательности, т. е. все структурные составляющие закона должны быть связаны между собой, дополнять друг друга, развивать смысл правовых предписаний.

Российские законы начинаются, как правило, или с преамбулы, или с легальных дефиниций содержащихся в законе терминов. Далее излагаются конкретные правовые предписания и устанавливаются санкции за нарушение этих предписаний. В конце приводятся переходные и заключительные положения и положения о вступлении акта в законную силу.

В-третьих, текст закона должен отличаться логической полнотой и законченностью, иными словами, он должен содержать исчерпывающую информацию о модели поведения и исключать возможность домысливания.

Отдельную группу составляют **требования к языку закона**, среди которых главную роль играет точность. О точности языка законодательства говорят А. А. Ушаков, А. А. Пиголкин, Н. А. Хабибулина, Д. В. Чухвичев, Н. А. Калинина, О. Н. Булаков, Б. В. Чигидин и многие другие ученые. В понимании А. С. Пиголкина, точность представляет собой «достижение наибольшего соответствия между идеей, мыслью законодателя и воплощением этой мысли в законодательной формуле» [11, 22]. Точность формулировки правового предписания предполагает невозможность двоякого толкования закона, отсутствие двусмысленности [12; 17]. Как справедливо отмечает Н. А. Калинина, «неточный выбор слова, грамматической формы, неудачное синтаксическое оформление речи могут исказить смысл формулируемой юридической нормы, затруднить ее правоприменение, привести к самым неожиданным, нежелательным результатам» [3, 4].

Достичь точности возможно благодаря использованию терминов с четким смыслом, единству применяемой терминологии, употреблению слов в прямом, а не в переносном значении, в более узком по сравнению с общелитературным языком значении, соблюдению логики построения текста.

Кроме того, язык законодательства должен отличаться ясностью и простотой (А. С. Пиголкин, Н. А. Хабибулина, Д. В. Чухвичев, О. Н. Булаков) [11; 10; 7; 1], или информативностью (Т. В. Губаева) [2] и доступностью (А. А. Ушаков) [5]. Иными

словами, он должен быть понятен субъектам правоотношений. Текст закона должен быть написан таким образом, чтобы любой гражданин, прочитав его, мог без труда составить себе ясное представление о своих правах, обязанностях и последствиях, которые могут наступить в случае нарушения им предписанных норм.

Например, в п.1 ст. 11 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» (с изменениями от 31 марта 2005 г.) ясно описывается материальное обеспечение присяжных заседателей: «*За время исполнения присяжным заседателем обязанностей по осуществлению правосудия соответствующий суд выплачивает ему за счет средств федерального бюджета компенсационное вознаграждение в размере одной второй части должностного оклада судьи этого суда пропорционально числу дней участия присяжного заседателя в осуществлении правосудия, но не менее среднего заработка присяжного заседателя по месту его основной работы за такой период.*»

Еще одним требованием, предъявляемым к тексту законодательных актов, является экономичность использования языковых средств, лаконичность закона. Законодателю следует избегать многословия, использования слов и выражений, которые не несут никакой информационной нагрузки, повторов, излишних эпитетов, громоздких конструкций. «Краткость в правотворчестве — это максимальная экономичность изложения мысли законодателя при сохранении полноты ее содержания» [11, 28].

Языку закона должны быть присущи экспрессивная нейтральность (А. С. Пиголкин) [11], спокойствие и бесстрастность (Д. В. Чухвичев) [10]. В данном случае имеется в виду отсутствие в тексте закона слов с ярко выраженным коннотативным значением, риторических фигур, идиоматических выражений, пословиц и поговорок. Данное требование объясняется тем, что законодательный текст призван воздействовать на разум и логику читателя, а не на его чувства.

В качестве характерной черты языка закона следует назвать формализм, который «выражается в стереотипности, стандартизации стиля изложения правовых актов, в его унифицированности» [11, 33].

Языку закона также должна быть свойственна официальность, придающая ему характер приказа, не подлежащего обсуждению. При этом можно

говорить как об официальнойности содержания текста закона, так и об официальнойности формы. Оба аспекта предполагают, что закон — это юридический документ, имеющий строго установленную определенную форму, и внести изменения и исправления в данный документ можно только посредством специально установленной государством процедуры, а не самостоятельно.

Закон должен носить безличный, неиндивидуальный характер, поскольку его текст пишется не отдельно взятым человеком и тем более не депутатом Государственной Думы, а группой лиц, объединенных в специальную комиссию. В обобщенном виде автором закона является государство.

Наконец, неотъемлемой характеристикой закона должна быть его культура (Д. В. Чухвичев) [10], или корректность (Т. В. Губаева) [2], которая означает соблюдение разнообразных правил и литературных норм языка (орфографических, грамматических, пунктуационных, стилистических и др.).

Поскольку закон является официальным документом высшей юридической силы, для него должна быть характерна определенная **структура**. Она позволяет легче в нем ориентироваться, обеспечивает его композиционную стройность, способствует более четкому логическому развитию его смысла.

Структурными единицами российского закона являются:

- часть;
- раздел;
- глава;
- статья.

Основной функцией статьи как наименьшей структурной единицы закона является предписание, обязательное для выполнения субъектами правоотношений. Поэтому в статье следует использовать только положения прескриптивного, а не декларативного характера. В статье закона должно содержаться только одно предписание, иначе будет нарушена целостность его смысла и последовательность изложения.

Статья закона может в свою очередь иметь определенную структуру, т. е. состоять из частей, пунктов, параграфов. Особенно это уместно в том случае, если в статье излагается большое по объему предписание.

Статьи, имеющие относительно общий предмет правового регулирования, могут объединяться в главы.

В некоторых законах главы могут объединяться в разделы, содержащие комплекс норм, например, какой-либо подотрасли права.

Наличие частей уместно только в кодексах, в федеральных законах они отсутствуют.

Отдельной структурной единицей закона может быть примечание.

Кроме того, любой закон имеет такие реквизиты, как:

- наименование закона (например, "*О специальных экономических мерах*», "*О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации*» и т.д.);

- запись, указывающая на дату принятия закона (число, месяц, год, к примеру, "*Принят Государственной Думой 6 июля 2005 года*»);

- запись, указывающая на дату одобрения закона ("*Одобрено Советом Федерации 13 июля 2005 года*»);

- подпись должностного лица, уполномоченного подписывать данный закон (например, "*Президент Российской Федерации*»);

- запись, указывающая на дату подписания закона (число, месяц, год). В российских законах такая дата ставится в конце текста документа и выносится в название, например, "*Федеральный закон от 23 декабря 2003 г.*»;

- запись, указывающая на место подписания закона (например, "*Москва, Кремль*»);

- порядковый номер закона (например, *166-ФЗ* или *2-ФКЗ*) [8].

Таким образом, текст закона представляет собой отдельный жанр юридического дискурса и отличается рядом содержательных, структурных, языковых особенностей, которые обязательно должны быть сохранены при переводе.

Главный вопрос, который при этом с неизбежностью возникает, заключается в необходимости переводить текст закона, если учесть, что каждая страна живет по своим собственным законам, и законы других государств не имеют в ней юридической силы.

На наш взгляд, перевод законов приобретает особую актуальность в том случае, когда речь идет о группе государств, объединившихся с определенной целью и создавших, например, свод законов, единый для всех. Такова, к примеру, ситуация в Евросоюзе, Конституция которого должна быть переведена на языки государств-членов ЕС.

В большинстве своем перевод законов осуществляется в познавательных целях, например, для сравнения порядка регулирования определенных отношений в разных странах, для выявления национальных особенностей правовой системы и т.д.

Можно привести реальный пример другой ситуации, когда Россия и США сотрудничают друг с другом при расследовании уголовного дела о незаконном отмывании денежных средств российскими компаниями за рубежом. Российская сторона запрашивает у США данные об одной из компаний, но при этом Соединенным Штатам требуется основание возбуждения уголовного дела против этой фирмы в России. В этом случае возникает необходимость перевода определенной статьи Уголовного Кодекса Российской Федерации на английский язык.

Остановимся на вопросе сохранения особенностей текста закона при переводе.

Структура закона-оригинала может быть адекватно отражена в переводе путем сохранения рубрикации и подбора таких эквивалентов, которые наиболее корректно отражают структурные единицы закона-оригинала. Например, *статья* — *article*, *глава* — *chapter*, *раздел* — *section*, *часть* — *part*.

Название закона, которое в русском языке начинается с предлога «о», на английский язык переводится посредством использования предлога «on»: «**О** страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» — «**On** insurance of household deposits in banks of the Russian Federation».

В реквизитах закона представлены реалии, поэтому переводчику необходимо придерживаться правил их перевода: *Государственная Дума* — *the State Duma*, *Совет Федерации* — *the Federation Council*, *Кремль* — *Kremlin*. Безусловно, реквизиты закона располагаются в переводе в той же последовательности, что и в оригинале.

При переводе текста закона недопустимо осуществлять перестановки элементов правовой нормы и структурных составляющих текста закона, поскольку это может привести к нарушению логического единства и логической последовательности.

Главное внимание следует уделить сохранению языковых особенностей текста закона при переводе.

В первую очередь необходимо сказать о переводе терминов, которые составляют весомую часть всей лексики, используемой в законе, и обеспечивают его точность. Перевод термина не будет вызывать больших затруднений, если его можно отнести к категории общепотребительных, поскольку в языке перевода, скорее всего, есть его терминологическое соответствие. Например, термин «*потребитель*», используемый в Федеральном законе от 17 августа 1995 г. № 147-ФЗ «О естест-

венных монополиях», или термин «*банк*», используемый в Федеральном законе от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации», переводится на английский язык «*consumer*» и «*bank*» соответственно. Несколько иначе обстоит дело с терминологией, которую можно назвать специально-технической [7] и которая, помимо того, что обозначает понятия какой-либо узкоспециальной области деятельности, может еще описывать явления, существующие только в определенной стране, скажем, в России. К числу таких терминов можно отнести «*разрешение Банка России*», «*дефицит фонда обязательного страхования вкладов*» и др. При переводе таких терминов на английский язык чаще всего применяется прием калькирования: «*license of the Bank of Russia*», «*deficit of mandatory deposit insurance fund*» соответственно.

Употребление в тексте закона клише и штампов придает ему официальность и сухость, поэтому при переводе необходимо также использовать подобного рода выражения, например, «*настоящий закон*» — «*this law*», «*далее*» — «*hereinafter referred to*» или «*hereinafter*».

В законе, безусловно, могут фигурировать названия различных структур и ведомств, которые можно отнести к категории реалий, к примеру, «*Агентство по страхованию вкладов*», «*Федеральная служба безопасности*», «*Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации*» и т.д. Такого рода лексические единицы переводятся на английский язык калькированием: «*Deposit Insurance Agency*», «*Federal Security Service [FSB]*», «*State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation*».

Далее сравним выдержки из некоторых российских законов и их перевод на английский язык и проанализируем их с точки зрения грамматики.

1. «*Органы регулирования естественных монополий осуществляют контроль...*» — «*The bodies regulating natural monopolies shall exercise control...*»

2. «*При выплате возмещения по вкладам Агентство представляет вкладчику справку о выплаченных суммах и вкладах...*» — «*When effecting deposits compensation, Agency shall provide reference information to depositor on paid out amounts and deposits...*»

3. «*При этом новый порядок исчисления расчетной базы должен быть доведен до сведения банков*» — «*Banks shall be informed about new calculation procedure*».

4. «... регулирование деятельности субъектов естественных монополий **не может** применяться...» — «*The regulation of activities of natural monopoly entities... may not be applied...*»

5. «Субъекты естественных монополий **обязаны** представлять соответствующему органу...» — «*Natural monopoly entities shall be obliged... to submit to the respective body...*»

В тексте российских законов глаголы употребляются в настоящем времени изъявительного наклонения (примеры 1 и 2), также используются модальные глаголы и выражения (примеры 3, 4, 5). Все они служат для придания закону нормативности, характера приказа, не подлежащего обсуждению. Для сохранения данного требования при переводе используется чаще всего модальный глагол «*shall*» (примеры 1, 2, 3), а также некоторые другие модальные глаголы и выражения (примеры 4 и 5).

Официальный, неиндивидуальный характер придают закону возвратные глаголы и глаголы в страдательном залоге. При переводе на английский язык в обоих случаях, как правило, сохраняется страдательный залог. Ср.: «*формирование государственных информационных ресурсов осуществляется*» — «*the formation of state information resources shall be carried out*», «*органы федеральной службы безопасности комплектуются*» — «*FSB organs shall be staffed*», «*решения по всем вопросам принимаются*» — «*decisions on all issues shall be adopted*», «*страхование вкладов осуществляется*» — «*insurance of deposits shall be conducted*», «*решение может быть обжаловано*» — «*decision can be appealed*», «*субъект естественной монополии должен быть заранее уведомлен*» — «*the natural monopoly entity shall be informed.*»

Что касается синтаксиса российских законов, то он представлен в первую очередь условными предложениями, что обусловлено структурой правовой нормы, например: «*Государство имеет право выкупа документированной информации у физических и юридических лиц в случае отнесения этой информации к государственной тайне*» или «**В случае** пропуска вкладчиком срока для обращения с требованием о возмещении по вкладам указанный в части 1 настоящей статьи срок по заявлению вкладчика может быть восстановлен.» Сохранение структуры правовой нормы и ее логики обеспечивается в английском языке за счет использования также условных предложений: «*The state has the right to redeem documented information from individuals and legal entities in the event that*

that information is put into the category of a state secret» и «*If a depositor missed compensation request timing stipulated in paragraph 1 of this article, such period shall be restored*» соответственно.

В тексте закона используются развернутые синтаксические структуры, поскольку законодатель стремится «изложить в обобщенной форме конкретные жизненные процессы» [6]. При переводе принято сохранять структуру предложения оригинала и не применять прием членения, который бы, возможно, облегчил понимание содержания закона, но в определенной степени нарушил бы его стилистику. Ср. п. 1 ст. 583 ГК РФ «*По договору ренты одна сторона (получатель ренты) передает другой стороне (плательщику ренты) в собственность имущество, а плательщик ренты обязуется в обмен на полученное имущество периодически выплачивать получателю ренту в виде определенной денежной суммы либо предоставления средств на его содержание в иной форме*» и перевод: «*Under the rent contract one party (the rent recipient) shall transfer property to the other party (the rent payer) into his ownership, whereas the rent payer shall undertake to pay periodically rent to the recipient in the form of a definite sum of money or to provide money on his maintenance in a different form in exchange for the received property.*»

Таким образом, языковые особенности текста закона возможно сохранить, опираясь на принятые в языке перевода нормы изложения подобного рода текстов. Речь идет главным образом об использовании терминологии, эмоционально нейтральной лексики, пассивных конструкций, модальных глаголов, сложных предложений с различными типами синтаксической связи и других средств.

Подводя итог, отметим, что в свете укрепления международных связей и расширения интеграции исследования языка закона приобретают все большую актуальность, а перевод законов в недалеком будущем может стать насущной необходимостью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булаков О.Н. Законодательная техника и законодательный процесс в Российской Федерации (правила конструирования закона) : учеб. пособие / О. Н. Булаков. — М. : Изд-во Московской гуманитарно-социальной академии, 2002. — 176 с.
2. Губаева Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности / Т. В. Губаева. — М. : Норма, 2007. — 160 с.
3. Калинина Н.А. Лингвистическая экспертиза законопроектов : опыт, проблемы и перспективы : науч.-

практ. пособие / Н. А. Калинина. — М. : Известия, 1997. — 50 с.

4. Сальников В.П. Государственная идеология и язык закона : монография / В. П. Сальников, С. В. Степашин, Н. И. Хабибулина. — СПб. : Фонд «Университет», 2001. — 208 с.

5. Ушаков А.А. Очерки советской законодательной стилистики : учеб. пособие / А. А. Ушаков. — Пермь, 1967. — 210 с.

6. Ушаков А.А. Право, язык, кибернетика / А. А. Ушаков // Правоведение. — 1991. — № 2. — (<http://www.law.edu.ru/article/article.asp?articleID=156494>)

7. Хабибулина Н.И. Юридическая техника и язык закона. Монография / Н. И. Хабибулина. — СПб, 2000. — 92 с.

8. Царев А.Ю. О правилах законодательной техники, используемых при написании текста закона / А. Ю. Царев // Представительная власть — 21 век : законодательство, комментарии, проблемы. — 2002. — № 5—6. — (<http://pvlavst.ru/archive/index.44.php>)

9. Чигидин Б.В. Юридическая техника российского законодательства : дис. ... канд. юрид. наук / Б. В. Чигидин. — М., 2002. — 189 с.

10. Чухвичев Д.В. Законодательная техника : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению 030500 «Юриспруденция» / Д. В. Чухвичев. — М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2006. — 240 с.

11. Язык закона / [под ред. А.С. Пиголкина]. — М. : Юрид. лит., 1990. — 192 с.